

ЧТО ЗНАЕТ И ЧЕГО НЕ ЗНАЕТ НАУКА О ПРОЦЕССАХ ИСЛАМСКОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ*

¹Стародубровская Ирина Викторовна, ²Исабаев Эржан Турлыбаевич
¹*irinavstar@gmail.com*, ²*erzhanisabayev@gmail.com*

¹Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Москва, РФ)
²Университет Нархоз (Алматы, Казахстан)

¹Starodubrovskaya Irina, ²Issabayev Erzhan
¹*irinavstar@gmail.com*, ²*erzhanisabayev@gmail.com*
¹*Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russia)*
²*Narxoz University (Almaty, Kazakhstan)*

Религиоведческие исследования

Аннотация. Статья посвящена анализу теорий, объясняющих причины и протекание процессов радикализации и нашедших отражение в академических публикациях, в первую очередь в англоязычных источниках, в период с 1960х до 2020х годов, а также их взаимосвязи с мерами практической политики противодействия радикализации. Актуальность данной проблематики связана с сохраняющимися угрозами исламской и других направлений радикализации, в том числе в Центральной Азии, активизацией террористических группировок. Авторы дают классификацию существующих теоретических подходов, выделяя теорию глубинных корней терроризма как предтечу современных трактовок радикализации, упрощенные теории радикализации (идеология как единственная причина, однонаправленность процесса, четкие стадии, описывающие их индикаторы) и более сложные теории радикализации (многообразие причин и радикализационных траекторий, неочевидность связи идеологии с насилием, роль групповой динамики и структурных характеристик социума). Основной акцент в статье делается на центральном противоречии теории и практики в данной сфере. С одной стороны, теоретические разработки тяготеют к все более многоаспектному охвату процессов радикализации, отказу от упрощенных подходов, построению сложных моделей. С другой стороны, практика требует простых и понятных алгоритмов, четких и однозначных причинно-следственных связей, которые можно отразить в индикаторах и конкретных мерах. По мнению авторов, это противоречие приводит к тому, что в практической политике до сих пор популярны упрощенные схемы объяснения радикализации, неоднократно опровергнутые в академических дискуссиях. И это снижает эффективность мер борьбы с данным явлением. Кризисное состояние радикализационных теорий и практик усиливается проблемами, связанными со сложностью доступа к полной и достоверной информа-

* Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Влияние урбанизации на радикализацию исламского фундаментализма на примере Алматы: угрозы и меры противодействия» (ИРНАР23489903).

ции о происходящем в радикальной среде и высокой идеологизированностью данной проблематики. Все это ведет к тому, что задача эффективного противодействия радикализации до сих пор далека от своего решения.

Ключевые слова: радикализация, терроризм, исламский радикализм, радикализационная траектория, антитеррористическая политика, идеология.

Введение

Процессы радикализации, истоки идеологически и религиозно мотивированного насилия, корни терроризма - эти проблемы достаточно давно являются актуальными в академической среде. Тем не менее, нельзя сказать, что на все вопросы в данной сфере получены исчерпывающие ответы. Более того, эксперты неоднократно отмечали, что исследования радикализации находятся в кризисе. Нередко посвященные радикализации работы характеризуются как поверхностные, идеологизированные, не соответствующие стандартам академической деятельности, основанные на данных низкого качества, делающие обобщения на основе единичных случаев [1, pp. 14-35].

Это может быть связано с рядом факторов, в том числе:

- с общей идеологизированностью данной тематики: так, растущие на Западе антимигрантские настроения создают благоприятную среду для представлений о том, что все мусульмане - потенциальные радикалы, при этом те, кто являются террористами для одних, другими могут рассматриваться как борцы за свободу;

- с неочевидностью методов исследования радикальной среды, поскольку она в значительной степени закрыта для внешнего наблюдателя, а информация, доступная для изучения, может создавать искаженную картину по причине ее фрагментированности и низкой достоверности;

- с запросом на «практикоориентированность» подобных исследований, что не всегда в полной мере сочетается с академическими требованиями.

При этом необходимо учитывать, что кризис радикализационных исследований - это далеко не чисто академическая проблема. Понимание причин и факторов радикализации, характера радикализационных траекторий - необходимое условие эффективной политики противодействия радикализации, снижения террористических угроз. И подобная эффективность чрезвычайно важна для стран Центральной Азии в целом и для Республики Казахстан в частности.

Отсюда вытекает основная задача настоящей статьи - выявить, что современная наука способна и что не способна объяснить в процессах радикализации, и насколько она может служить основой для эффективных мер противодействия этому явлению. В статье раскрывается центральная проблема современных теорий радикализации: чем в большей мере они учитывают разнообразные факторы, влияющие на радикализационные мотивы и процессы, тем более сложный и неоднозначный характер они носят, но тем хуже

они приспособлены для учета в практической политике противодействия радикализации, требующей понятных причинно-следственных связей и четких алгоритмов. И в этом - одна из основных причин популярности упрощенных теорий радикализации, во многом опровергнутых в академической среде, но по-прежнему широко используемых как основа практических мер.

Методология

Статья отражает «историю идей» и построена на анализе академических публикаций, раскрывающих различные аспекты теорий радикализации и ведущиеся в этой сфере дискуссии в период с 1960х по 2020е годы. В основном использованы англоязычные источники. Анализ проведен без применения формализованных алгоритмов.

Основная методологическая сложность данной работы связана с тем, что публикации по проблемам радикализации чрезвычайно многочисленны, и их количество продолжает расти, не всегда отражая при этом приращение содержательного знания. Перечисление через запятую существующих теорий вряд ли способно что-то объяснить читателю, а рассмотрение всех их по существу с учетом разнообразных нюансов потребовало бы текста огромного объема. Был найден следующий компромисс. В статье отмечаются основные тенденции, характерные для исследований радикализации, и более подробно рассматриваются отдельные работы, в которых, по мнению авторов, эти тенденции нашли наиболее яркое воплощение.

Предтеча теорий радикализации: глубинные корни терроризма

В исследовании вопросов радикализации обычно выделяют два этапа. Первый начался еще в 1960-х годах, но основные его достижения датируются 1970-ми. Предмет исследования в этот период определялся как глубинные причины или корни терроризма (root causes of terrorism). Проблема так называемого «исламского терроризма» еще не стояла на повестке дня. Исследователей волновали использующие террористические методы крайне левые группировки в Европе, массово готовящие подростков к роли «живых бомб» Тигры освобождения Тамил-Илама, варящие крестьян живьем сторонники движения «Сияющий путь» в Перу. Ученые пытались разобраться, что подталкивает людей к совершению террористических актов, в каких условиях терроризм наиболее вероятен. И искали ответы в первую очередь в глобальных теориях, стремясь охватить все аспекты формирования стимулов к террористической деятельности, начиная от структурных условий на макроуровне и заканчивая катализаторами и конкретными поводами для осуществления терактов [2, с. 3].

Этот подход вызвал у исследователей множество вопросов. По мнению многих из них, предлагаемые модели были достаточно абстрактными и не-

применимыми в практике контр-террористической деятельности. Не было также предоставлено серьезных доказательств, что именно рассматриваемый исследователями комплекс причин неизбежно ведет к возникновению терроризма, хотя роль каждой из них и была проиллюстрирована примерами из разных стран и времён.

Не оправдал ожиданий и другой, в чем-то противоположный подход, получивший распространение в тот же период. В его рамках исследователи пытались, используя эконометрические методы, связать террористическую активность с каким-либо одним основополагающим фактором, на роль которого в различных работах претендовали, среди прочих, бедность, образование, политическое устройство государства. Однако получить какие-либо консистентные результаты не удалось - применение разных моделей на различных выборках приводило к несовпадающим, а порой и противоположным выводам. Очень хорошо это видно на примере анализа роли демократического государственного устройства. Одни доказывали, что демократические режимы менее подвержены опасности терроризма, другие - что более, третьи - что эта связь не линейна, и в странах со средним уровнем политических свобод террористическая угроза выше, чем в государствах с жесткими авторитарными или демократическими режимами. Каждый из этих тезисов подтверждался теми или иными эконометрическими моделями, однако ни одно из утверждений так и не было окончательно доказано [3, сс. 130 – 143].

Неудивительно, что постепенно внимание к исследованиям в рамках данных парадигм стало затухать, уменьшилось количество публикаций, упали объемы финансирования. Акцент был перенесён на более конкретные разработки, ориентированные на специфические меры по предотвращению терроризма. Терроризм все больше рассматривался в терминах угроз, снизился интерес к его изучению как социального феномена.

В то же время нельзя не признать, что исследование глубинных корней терроризма обогатило науку рядом важных достижений.

Во-первых, хотя ученые и не пришли к единому мнению относительно определения терроризма (на самом деле, их существует более 200) [4], особенностью данного периода была проблематизация субъекта террористической деятельности. Так, наиболее широкая классификация политического терроризма включала в себя: протестный или мятежный терроризм – направленный против государства; государственный терроризм – направленный против личности, осуществляемый с участием спецслужб или связанных с ними формирований; спонсируемый государством терроризм – направленный против другого государства путем поддержки терроризма на его территории; и, наконец, терроризм масс – одной группы населения против другой. В теориях радикализации проблема субъекта рассматривается более узко: в основном по умолчанию к ним относят радикализованных индивидов (одиноких волков) или оппозиционные группировки, возможно, поддерживаемые тем или иным иностранным государством.

Во-вторых, невозможность объяснить терроризм какими-либо отдельными социальными или политическими факторами привела к отказу от упрощенных представлений о причинах этого явления и способствовала пониманию сложности рассматриваемого феномена. «Террористами могут быть обездоленные и необразованные люди или преуспевающие и хорошо образованные. При том, что молодые мужчины обычно наиболее представлены в большинстве террористических организаций, можно найти террористов среди людей обоих полов и любого возраста. Терроризм существует как в богатых, так и в бедных странах; в современном индустриализированном мире и на менее развитых территориях; в процессе преобразований и развития, до или после этого процесса; в бывших колониях и в независимых государствах; как в устоявшихся демократиях, так и при менее демократических режимах» [5, с.8].

Особо важное значение имело преодоление так называемой психопатологической теории - представления о том, что террористы являются лицами с девиантным поведением, основанном на психических отклонениях. Практически единодушно было признано, что «выдающейся общей характеристикой террористов является их нормальность» [6, с. 390]. И хотя распространение терроризма одиночек в более поздний период заставило вернуться к данному вопросу, это не отменяет значимости сделанного общего вывода.

В-третьих, утверждение о психической нормальности террористов поставило вопрос о мотивации их деятельности. Ведущие исследователи глубинных причин терроризма признавали действия террористов рациональными. «Террористы могут следовать своей собственной рациональности на основе экстремистских идеологий или специфической террористической логики, но они не иррациональны» [7, с. 257]. Так, Марта Креншоу трактовала их выбор как итог обучения в результате перебора других возможных вариантов действий: «терроризм – последнее звено в цепи выбора. Он представляет собой результат процесса обучения. Опыт оппозиционной деятельности обеспечивает радикалов информацией о потенциальных последствиях того или иного выбора. Вероятно, терроризм является достаточно осознанным выбором (выбором на основе информации) из числа имеющихся альтернатив, попытки использовать некоторые из которых не принесли успеха» [8, с.11].

В-четвёртых, было проведено важное различие между причинами, породившими терроризм, и причинами, обеспечивающими его устойчивость. К последним относится в первую очередь так называемый замкнутый круг или спираль насилия. В ходе насильственных действий с каждой из сторон противостояния появляются герои и мученики, ради которых необходимо продолжать борьбу. В результате насилие становится самовоспроизводящимся и набирает обороты. Эндрю Силк использует сравнение с гидрой, у которой взамен отрубленной головы вырастают две новые. «Здесь речь идет о такой форме насилия, которая оказывается не раздавленной сильными, агрессивными контрмерами, но может скорее ими стимулироваться и превращаться в еще большую угрозу» [9, с. 242].

Однако поддерживать террористическую деятельность могут и другие факторы. В частности, ситуация конфликта может порождать возможности для высокоприбыльных криминальных видов деятельности, связанных с оружием, наркотиками и т.п. И это является стимулом продолжать борьбу даже когда политические цели достигнуты либо, напротив, никаких шансов на победу не осталось. Или у террористов просто нет выхода - альтернативой террористической деятельности являются смерть, пытки, длительное тюремное заключение [10].

Упрощенные теории радикализации

Между тем, происходившие в мире события резко повысили актуальность исследований терроризма. Террористические акты 11 сентября 2001 года в США; волна терроризма, прокатившаяся по Европе, в первой половине 2000-х - все это заставило вернуться к данной тематике и посмотреть на неё другими глазами. Теперь исследователи сосредоточились в первую очередь на проблеме исламского терроризма, а главенствующую роль на новом этапе стало играть понятие радикализации, призванное, по словам одного из исследователей, описать движение, в ходе которого индивид становится 'террористом' или 'экстремистом' в результате процесса принятия определенных идей, ведущих к применению насилия [11, с. 67].

Как отмечалось в литературе [12], концепция радикализации в этот период сыграла двоякую роль. С одной стороны, по сравнению с получившей распространение после 11 сентября идеей безальтернативной беспощадной «борьбы с террором» с помощью силовых средств она представляла более мягкий вариант, позволявший вести общественную и академическую дискуссию о том, «что происходит до того, как взрываются бомбы» [13]. С другой стороны, она изначально оказалась ориентированной на потребности контр-террористических структур и под их серьезным влиянием. Поняв, что террористические акты осуществляют жители самих западных стран (пусть и с мигрантских прошлым), эти структуры захотели получить ориентиры, как выявить проблему заранее и задушить ее в зародыше.

В тот период сложились подходы к анализу радикализации, до сих пор оказывающие существенное влияние на практику антирадикализационной и контр-террористической деятельности. Их можно рассмотреть на примере модели, представленной в докладе Нью-Йоркского полицейского управления [14]. Каковы были ее основные характеристики?

Во-первых, идеология объявлялась той уникальной причиной, которая толкает мусульман к насилию. «Что мотивирует молодых мужчин и женщин, рожденных либо живущих на Западе, осуществлять “автономный джихад” с помощью актов терроризма против принявших их стран? Ответ – идеология» [15]. Именно идеология, а не организация. Аль-Кайда, по мнению авторов доклада, служит источником вдохновения для будущих террористов, но в большинстве случаев не руководит ими и не контролирует их непосредственно.

Во-вторых, радикализация рассматривалась как процесс, проходящий определенные стадии [16]. В докладе выделялись четыре стадии радикализации:

1. Пре-радикализация – жизнь до знакомства с джихадистской идеологией.

2. Самоидентификация – постепенное изучение джихадистской идеологии, первые контакты с единомышленниками. На этой стадии какое-либо травмирующее событие - потеря работы, дискриминация, смерть близкого родственника - может стимулировать религиозный поиск и когнитивное открытие [17].

3. Индоктринация – дальнейшее изучение и принятие джихадистской идеологии, в результате чего возникает полная приверженность целям радикальной группы; на этой стадии интенсифицируются контакты с религиозными менторами и членами группы.

4. Джихадизация – принятие обязательства участвовать в вооруженной борьбе как индивидуального долга.

В-третьих, утверждалось, что прохождение каждой стадии характеризуется определённым набором жестких индикаторов, которые могут служить инструментом выявления потенциальных террористов. Правда, нельзя сказать, что это амбициозная заявка в полной мере была реализована в тексте: предлагаемые критерии достаточно размыты, не все из них подтверждаются конкретными примерами. Тем не менее, сама идея о последовательном линейном прохождении стадий радикализации и наличии показателей, по которым этот процесс можно отследить, заложена в идеологию доклада.

В-четвертых, все вставшие на путь радикализации воспринимались как угроза. «Процесс радикализации полезно рассматривать как воронку. Если кто-то вступил в этот процесс, это не означает, что он/она пройдет все четыре стадии и станет террористом. Однако, это не означает также, что, если он/она не становится террористом, он или она не является больше угрозой. Радикализировавшиеся индивиды, не ставшие джихадистами, могут служить наставниками или агентами влияния для тех, кто станет джихадистом завтра» [18].

В-пятых, авторы доклада справедливо рассматривали то, что они называли джихадистско-салафитской идеологией, как лишь одно из течений салафизма, его воинственную интерпретацию. Тем не менее, в докладе прослеживается связь радикализации с салафитским исламом в целом. Так, на этапе самоидентификации радикализующиеся индивиды, по версии авторов доклада, начинают интересоваться салафитским исламом, и это само по себе считается частью процесса превращения в террориста. В качестве «инкубаторов экстремизма» рассматриваются в том числе салафитские мечети, где будущие джихадисты получают стимул для дальнейшей радикализации. На этапе индоктринации они перестают посещать подобные мечети, но к этому моменту те уже выполнили свою функцию.

В-шестых, авторы доклада подчеркивали, что потенциальные джихадисты живут обычной, ничем не примечательной жизнью, не нарушают закон,

поэтому они не попадают в поле зрения правоохранителей вовремя. «Рассмотренное изолированно, индивидуальное поведение выглядит безвредным, однако, как часть континуума процесса радикализации, его значимость становится более очевидной» [19]. В докладе нет далеко идущих рекомендаций на эту тему, отмечается лишь, что необходимо усиливать работу по выявлению подобных случаев.

Выводы, к которым приходят авторы доклада, очевидно, подталкивают к усилению секьюритизации, вмешательства в частную жизнь граждан как способу выявить потенциальных террористов на ранней стадии и не допустить повторения трагедий. По имеющейся информации, само Нью-Йоркское полицейское управление активно использовало подобные подходы в своей деятельности, осуществляя широкую программу наблюдения за исламскими сообществами, вербуя информаторов и засылая собственных сотрудников. 250 мечетей в Нью-Йорке и Нью Джерси, сотни других объектов: кафе, рестораны, книжные магазины, общественные организации, студенческие ассоциации рассматривались им с точки зрения угроз безопасности [20].

Аналогичные подходы получили распространение и в Великобритании. В своей речи на 47-й Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2011 года британский премьер Дэвид Камерон воспроизвел подходы, фактически очень близкие к вышеизложенным [21]. Он четко обозначил, что причины терроризма необходимо искать в экстремистской идеологии. Камерон отделил ислам как миролюбивую религию от исламизма, трактуемого им как искаженная, извращённая интерпретация ислама, следуя которой молодые люди готовы взрывать себя и убивать своих сограждан. Причём, по его мнению, опасность представляют не только сторонники насилия, но все те, кто разделяет экстремистское восприятие мира – враждебность в отношении западной демократии и либеральных ценностей.

Последняя позиция, напрямую вытекающая из упрощенных моделей радикализации, получила отражение в так называемой теории конвейера (Baran, Z. (2005). *Fighting the War of Ideas*. *Foreign Affairs*, 84(6), 68-78). В соответствии с этой теорией, попадание в «радикальную среду», даже в умеренный ее сегмент, подготавливает молодых людей к принятию идей насильственной борьбы за исламский порядок и подталкивает их в данном направлении. Основным аргументом в пользу подобного подхода считалась полученная на основе анализа биографий террористов информация, что часть из них начала свою деятельность в мирных исламских движениях, а затем переходила на позиции джихадизма. Однако анализ с точки зрения «конвейера» так и не смог объяснить, почему джихадистами становится лишь малая часть изначальных сторонников мирной исламской деятельности. Умеренных фундаменталистов подозревали также в том, что их ненасильственные позиции являются лишь временными и тактическими, что у них есть «скрытая повестка», и они в любой момент готовы сменить свои взгляды и перейти к насилию (Schmid A. P. (2014). *Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides*

of the Same Coin? *ICCT Research Paper*, The Hague: International Centre for Counter-Terrorism. Available at: <http://www.icct.nl/app/uploads/download/file/ICCT-Schmid-Violent-Non-Violent-Extremism-May-2014.pdf>).

Не смотря на то, что в пользу подобных взглядов не было выдвинуто серьезной аргументации, они оказали принципиальное влияние на практику противодействия радикализации. Так, в Великобритании, а также в некоторых других европейских странах были свернуты проекты, предусматривавшие сотрудничество с умеренными исламскими фундаменталистскими сообществами, стремившимися переубедить и перетянуть на свою сторону сторонников джихадизма, и вместо этого были разработаны программы, ориентированные на отслеживание поведения так называемых уязвимых групп для выявления радикализации на основе многочисленных индикаторов и подвергающиеся серьезной критике за то, что они по факту превращают всех мусульман в «подозрительные сообщества» [22, с. 6].

Критика упрощенных теорий и усложнение представлений о радикализации

Развитие теорий радикализации привело к тому, что на настоящий момент не осталось практически ни одного положения, аргументированного в докладе Нью-Йоркского полицейского управления, которое не было бы поставлено под сомнение. Наиболее острые диспуты развернулись вокруг представлений об идеологии как универсальной причине радикализации. Этот тезис подвергся атаке с двух позиций.

С одной стороны, аргументировалось, что утверждение о наличии прямой связи между идеями и действиями не соответствует действительности. «Десять лет практики контр-терроризма научили нас, что многие люди говорят очень жестокие вещи, но у совсем немногих это сопровождается насильственными действиями» [23, с. 117]. Разделение идеологической и поведенческой радикализации является сейчас практически общим местом в соответствующих теориях. В то же время до сих пор не представлено удовлетворительного объяснения, как эти два феномена связаны между собой. Так, Мак Коли и Москаленко, которые ранее предлагали рассматривать радикализацию как движение от основания пирамиды, где сосредоточены те, кто разделяют объявляемые террористами цели, к ее вершине, теперь просто говорят не об одной, а о двух подобных пирамидах - отдельно об идеологической радикализации, отдельно - о поведенческой [24. с. 205–216].

С другой стороны, предлагались объяснения вовлеченности в насильственные действия, альтернативные идеологии. Наиболее очевидным «конкурентом» здесь выступали социальные связи. Личные отношения, социальные сети, динамика взаимодействия в малых группах - все это, по мнению ряда ключевых исследователей, предшествует любой идеологической при-

верженности. Люди прежде всего втягиваются в насильственные действия через своё окружение: семью, друзей, знакомых. Подобная угроза возникает, когда «кого-то почему-то кусает муха джихада» [25, с. 68]. «Ключевое различие между террористами и большинством других людей в мире заключается не в индивидуальных отклонениях, личностных качествах, образовании, доходе или любом другом демографическом факторе, а в динамике малых групп, где волею случая характерной особенностью стал джихад, а не, скажем, ожирение» [26]. Сейчас эксперты признают широкий круг возможных причин поведенческой радикализации у тех, кто индифферентен к идеологическим ориентирам или кому они даже не симпатичны - материальные факторы, эмоциональная приверженность группе, стремление к приключениям, достижению статуса и т.п. Либо их просто могут заставить принимать участие в насильственных действиях.

Несколько особняком в данных дискуссиях стоит получивший широкое освещение диспут между двумя известными французскими учеными - Жилем Кепелем и Оливье Руа, суть которого была афористично сформулирована как дилемма «радикализация ислама или исламизация протеста». Кепель видит истоки радикализации в распространении среди молодежи, в первую очередь в социально неблагополучных мигрантских анклавах, салафитской ультраконсервативной сектантской трактовки ислама, отвергающей секуляризм и более умеренные исламские течения [27]. Для Руа же центральный вопрос - «почему и как мятежная молодежь именно в исламе обрела парадигму своего тотального мятежа» [28]. Кепелю, фактически поддерживающему представление, что салафитская религиозная идеология является центральным фактором, объясняющим радикализацию, он противопоставляет принципиально иной взгляд на этот процесс, демонстрируя родство исламского радикализма с другими радикальными идеологиями, удовлетворяющими тот же запрос на бунт и протест. Принципиально в радикальном исламе, по его мнению, нерелигиозное содержание, а потенциал борьбы со сложившимся социальным порядком. «Двадцать лет назад эти люди стали бы радикальными левыми, но подобные движения исчезли из пространств социального исключения или “обуржуазились”» [29, с. 52].

Однако не только роль идеологии как ключевого фактора радикализации подвергалась критике. Было признано недостаточным рассмотрение процессов радикализации лишь на индивидуальном уровне. Включение в дискуссию проблематики социальных связей привлекло внимание к психологическим аспектам групповой динамики, таким как внутригрупповая солидарность, сдвиг индивидуальных позиций в сторону экстремального мнения, давление групповых норм и т.п. Более активно стал использоваться термин «радикальная среда» как фактор радикализации на мезоуровне. Немногие содержательные попытки объяснить взаимосвязь между идеологической и поведенческой радикализацией были связаны как раз с анализом динамики в рамках этой среды. Так, Мак Колли и Москаленко, одними из первых подчеркнувшие много-

образии причин и путей к радикализму, обращали внимание на феномен «конденсации» [30, с. 415-433.]. Столкнувшись с непропорционально жестким ответом со стороны государства на мирные протестные акции, большинство их участников оценивает издержки участия в подобных акциях как чересчур высокие и прекращает участие в протесте. Однако меньшинство, напротив, радикализуется, идёт на обострение и становится все более агрессивным.

Во многом аналогичный механизм внутригрупповой динамики описывает Марк Сейджман [31]. Он рассматривает радикализацию как двухстадийный процесс: 1) присоединение к политическому протестному сообществу; 2) поворот к политическому насилию. Само по себе протестное сообщество - это в первую очередь «крутая» джихадистская контр-культура, активизм в его рамках может носить вполне мирный характер. Оно аморфно, полицентрично, не имеет четкой структуры и представляет собой, в терминологии Сейджмана, «социальный сгусток» (socialblob). Триггером перехода к насилию выступает какое-либо событие, вызывающее взрыв возмущения в рамках контр-культурного сообщества и разочарование в эффективности его деятельности. Под воздействием этого триггера часть членов сообщества прекращает своё активное в нем участие. В то же время меньшинство порывает с прежним окружением, считая нужным перестать ограничиваться бесконечными разговорами и перейти от слов к делу. Что касается идеологии, то, по мнению Сейджмана, в подобных группах она эклектична, отличается от группы к группе, и во многом вырастает из внутригрупповых дискуссий, а не является внешней данностью.

Социальные макропроцессы также стали включаться в анализ. Ученые отмечали важность структурных факторов, вызывающих дискриминацию и отчуждение определенных групп населения, в объяснении радикализации (в упрощенных теориях обычно речь шла лишь об индивидуальном ощущении ущемленности и несправедливости). Подобные работы вполне вписываются в постколониальную парадигму [32]. Обращалось внимание и на деструктивную роль общественных исламофобских дискурсов. Так, исследование Герзиг и Аль-Хашими [33] продемонстрировало, что в условиях распространения исламофобии европейским мусульманам приходится выбирать между исламской и западной идентичностью, между исламом и демократией, между религиозной принадлежностью и гражданскими чувствами в отношении страны пребывания, поскольку общественный дискурс маркирует эти моменты как несовместимые. Потеря идентичностей, связывающих мусульман с западными странами, приводит к их чрезмерной самоидентификации с исламом. Причем для хорошо интегрированных мусульман дискриминация может иметь наиболее болезненные последствия - эти мусульмане в наибольшей мере ощущают потерю идентичности. Общественный дискурс, постулирующий несовместимость ислама и Запада, способствует разделению мира на две группы по критерию мусульмане-немусульмане, причем внешняя группа немусульман начинает восприниматься как враждебная, характеризуется

стереотипами, деперсонализацией и дегуманизацией. Все это провоцирует радикализационные тенденции в мусульманской среде.

Произошёл отказ и от представлений об универсальности и линейности траектории радикализации, о возможности измерить ее простым набором индикаторов. «Происхождение террористов очень разнообразно, существует много путей к терроризму и нет никакого единого «портрета» террориста» [34, с. 20]. При этом «движение в направлении насилия не является линейным и может быть повернуто вспять» [35]. Признаётся, что джихадисты могут как рекрутироваться организациями, так и самостоятельно воспринимать радикальные взгляды и стремиться к участию в насильственных действиях.

Подобные сдвиги в представлениях о радикализации сопровождались предупреждениями об угрозах, связанных с чрезмерной секьюритизацией жизни в духе романов Оруэлла, а также пониманием того, что механизмы секьюритизации могут не только не ограничивать, но, напротив, выступать стимулом к усилению насильственных практик. «Легитимная задача правоохранителей – не противодействовать легальным политическим протестным сообществам, а выявлять переход от легального политического протеста к нелегальному политическому насилию» [36, с. 128].

В итоге, с одной стороны, теория радикализации оказалась более приближенной к жизни, менее идеологически индоктринированной, приобрела более академический характер. Однако в результате она потеряла внутреннюю стройность и стала во многом столь же эклектичной и неопределенной, как и подход с точки зрения глубинных корней терроризма. Те основные причины радикализации, которые изначально воспринимались как альтернативы, стали перечисляться через запятую: протестный потенциал, идеология, социальные связи. Выявленное многообразие ведущих к радикализации жизненных траекторий похоронило идею каких-либо универсальных стадий либо индикаторов.

Подобные двойственные последствия эволюции радикализационных теорий можно продемонстрировать на примере популярного подхода к объяснению процессов радикализации, связанного с именами А. Круглански и его коллег, сформулировавших модель 3N: Needs, Narratives, Networks – потребности, нарративы (идеология), сети [37]. Данная группа ученых исходила из того, что наиболее общая основа радикализации – это потребность в собственной значимости и осмысленности жизни. Потеря значимости, угроза такой потери, а также перспектива существенного повышения значимости превращают эту потребность в доминирующую, подавляющую другие потребности. По какому пути пойдет индивид в поиске значимости, «будет ли актуализировано просоциальное или антисоциальное поведение, должно зависеть от идеологии, которая определяет средства достижения значимости» [38]. Другими словами, если индивид видит идеологически оправданную возможность поддержки чувства собственной значимости через насилие, он может стать террористом. При этом ученые не отрицают и роли социальных связей в данном процессе. Контакты в радикальной среде позволяют подтверждать мнением уважае-

мых людей важность идеологических целей и допустимость насильственных средств, нормализовывать использование насилия, чувствовать поощрение со стороны других членов группы, поддерживающее значимость. В рамках данной теории идеология и связи не противопоставляются друг другу, оба фактора считаются ключевыми. С одной стороны, связи способствуют идеологической индоктринации, с другой – членов социальной сети связывает между собой в первую очередь общее мировоззрение.

Не оценивая объяснительную способность данной теории, заметим, что, с одной стороны, она стремится показать процесс радикализации во всей его сложности и многообразии, что нельзя не поставить ей в заслугу. Однако, с другой стороны, ее очень сложно операционализировать. Активизация потребности в значимости может произойти по самым разным причинам, начиная от развода и дисквалификации в спорте и заканчивая дискриминацией, исламофобией, желанием стать героем. Она может включать или не включать конфликт с враждебной группой. Эта потребность способна удовлетворяться как социально одобряемыми, так и неодобряемыми способами. Для некоторых индивидов самостоятельное восприятие идеологии является ключевым фактором радикализации, другие впитывают новые идеи через социальные контакты. Возможные развилки можно множить. Есть основания предполагать, что подобная неопределенность более многовариантных теорий является немаловажной причиной того, что упрощенные линейные модели радикализации до сих пор пользуются авторитетом и оказывают значительное влияние как на академические дебаты, так и на контр-террористическую политику.

Выводы

Анализ состояния и развития теорий радикализации демонстрирует, что в этой сфере действительно сохраняются серьезные проблемы. Ограниченность информации о происходящем в радикальных сообществах приводит к домысливанию и не всегда адекватной интерпретации имеющихся фактов, что снижает ценность имеющихся теоретических подходов. Многообразие вариантов объяснения феномена радикализации, иногда взаимоисключающих, иногда эклектических, не дает четких ориентиров для практической политики. И если в академической сфере основной вектор развития - усложнение моделей радикализации, стремление продемонстрировать многовариантность и разнообразие радикализационных траекторий, то практические антирадикализационные меры, в том числе и в западных странах, во многом опираются на упрощенные подходы, которые проще операционализировать и превратить в конкретные инструменты. При этом их эффективность нередко и вполне аргументированно ставится под сомнение, что пока не привело к серьезному переосмыслению политики в данной сфере.

Список литературы

1 См., например: Van de Voorde T. *Terrorism Studies': A Critical Appraisal // Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences / edited by Rik Coolhaet, 2nd edition. – London and New York: Routledge – 2016; Kundnani, A. (2015). *Radicalization: The Journey of a Concept. In: C. Baker-Beall, C. Heath-Kelly and L. Jarvis, ed., Counter-Radicalization. Critical Perspectives*, 1st ed. London: Routledge, pp. 14-35.*

2 Вот пример достаточно типичной для того периода классификации причин терроризма (Bjorgo T. *Introduction // Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. – London and N.Y.: Routledge. – 2005. – P. 3*):

- *Структурные причины*: демографические дисбалансы, глобализация, быстрая модернизация, переходные общества, растущий индивидуализм с отрывом от корней и атомизацией, относительная депривация, классовая структура.

- *Поддерживающие (ускоряющие) причины*, которые делают терроризм возможным или привлекательным, не являясь основным мотивом: эволюция новых современных СМИ, транспорт, технологии вооружений, слабый государственный контроль над территорией и т.п.

- *Мотивирующие причины* – те реальные несправедливости, которые мотивируют людей действовать. Люди могут ощущать эти несправедливости или воспринимать ту интерпретацию, которую предлагают им идеологи и политические лидеры.

- *Причины-триггеры* – непосредственные катализаторы террористического акта, какие-либо важные или провокационные события, зовущие к действиям или к мести.

3 Noricks, D. (2009). *The Root Causes of Terrorism. In: P. K. Davis and K. Cragin, ed., Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together*, 1st ed. Santa Monica, CA: RAND Corporation, pp. 151-208; Стародубровская, И.В. (2015). *Исследования терроризма – международное измерение. В: Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: Издательский дом «Дело», 2013, сс. 130 – 143.*

4 Weinberg L., Pedahzur A., Hirsh-Hoefler S. (2012) *The challenge of conceptualizing terrorism // Terrorism Studies. A Reader / edited by J. Horgan and K. Braddock. – London and N.Y.: Routledge.* Наиболее распространённые определения терроризма связывают его с использованием насилия против мирного населения (некомбатантов) с целью психологического устрашения тех, кто не является непосредственными жертвами насилия. Это способ коммуникации, с помощью которого террористы пытаются добиваться своих политических целей.

5 Lia B. with Skjolberg K. *Causes of Terrorism: An Expanded and Updated Review of the Literature. Report prepared for Forsvarets Forsknings institutt – 2004, с. 8.*

6 Crenshaw M. (1981) *The Causes of Terrorism // Comparative politics – 1981. - Vol. 13, No. 4. – P. 390.*

7 Bjorgo T. *Conclusions // Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. – London and N.Y.: Routledge. – 2005. – P. 257.*

8 Crenshaw M. *The logic of terrorism: Terrorist behavior as a product of strategic choice // Origins of terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind, edited by Reich W. – Cambridge, Cambridge University Press. – 1998. – P. 11.*

9 Silke A. *Fire of Iolous: the role of state countermeasures in causing terrorism and what needs to be done // Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. – London and N.Y.: Routledge. – 2005. – P. 242.*

10 Bjorgo T. *Conclusions...*

11 Koehler D. *Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism. – London and N.Y.: Routledge. – 2017, с. 67.*

12 Kundnani A. *Radicalization: The Journey of a Concept...* 2015.

13 Это выражение гораздо лучше звучит по-английски: “what goes on before the bombs go off”.

14 Silber M.D., Bhatt A. *Radicalization in the West: The Homegrown threat.* – New York: New York City Police Department. – 2007.

15 Там же, с. 16.

16 Подобная «стадийность» - распространенная характеристика ранних теорий радикализации в целом. В них нередко встречаются «пирамиды», «лестницы» и другие аналогичные конструкты, характеризующие последовательность шагов в направлении радикализации.

17 Когнитивное открытие - важное понятие в рамках теории радикализации. Под ним понимается психологический кризис, расшатывающий прежние представления и делающий человека способным воспринимать новые взгляды и ориентиры.

18 Там же, с. 10.

19 Там же, с. 85.

20 Kundnani A. *Radicalization: The Journey of a Concept...* 2015.

21 Cameron J. “PM’s speech at Munich Security Conference”, UK Government, 05.02.2011 URL: [<https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference>].

22 Kundnani A. *Spooked! How Not to Prevent Violent Extremism.* London: Institute of Race Relations, 2009. – P. 6.

23 Sageman M. *The Turn to Political Violence in the West // Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences / edited by Rik Coolsaet, 2nd edition.* – London and New York: Routledge. – 2016. – P. 117.

24 Mc Cauley, C. and Moskalkenko, S. (2017). Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model. *American Psychologist*, 72 (3), pp. 205–216.

25 Агран С. Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком. – М.: Карьера Пресс. – 2016, с. 68.

26 Там же, с. 260.

27 Kepel G. with Jardin A. (2017) *Terror in France. The Rise of Jihad in the West.* – Princeton and Oxford: Princeton University Press.

28 Roy O. Who are the new jihadis? *The Guardian*, [online] 13.04.2017. Available at: <https://www.theguardian.com/news/2017/apr/13/who-are-the-new-jihadis> [Accessed January 15, 2021]

29 Руа О. Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. – М.: Фонд Марджани. – 2018, с. 52.

30 Mc Cauley C. and Moskalkenko, S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. *Terrorism and Political Violence*, 2008. 20 (3), pp. 415-433.

31 Sageman M. *The Turn to Political Violence in the West...*

32 Beelmann A. A social-developmental model of radicalization: A systematic integration of existing theories and empirical research. *International Journal of Conflict and Violence*, 2020. 14(1), 1-14. doi: 10.4119/ijcv-3778.

33 Goerzig C., Al-Hashimi K. *Radicalization in Western Europe: Integration, Public Discourse and Loss of Identity Among Muslim Communities.* - London and N.Y.: Routledge, 2015.

34 Schmid A. P. *Radicalization, De-Radicalization, Counter-Radicalization: A Conceptual Discussion and Literature Review.* Research Paper. The Hague: ICCT, 2013. - P. 20

35 Khalil J., Horgan J. and Zeuthen M. The Attitudes–Behaviors Corrective (ABC) Model of Violent Extremism. *Terrorism and Political Violence* [online]. 2019. Available at: <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1699793> [Accessed January 15, 2021].

36 Sageman M. The Turn to Political Violence in the West..., c. 128.

37 См.: Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. The Three Pillars of Radicalization: Needs, Narratives and Networks. Oxford University Press 2019. DOI:10.1093/oso/9780190851125.001.0001.

38 Kruglanski A. W., Gelfand M.J., Bélanger J.J., Sheveland A., Heti-arachchi M., & Gunaratna R. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Political Psychology*, 2014. P. 35, 69–93. <http://dx.doi.org/10.1111/pops.12163>, c. 79.

Transliteration

1 For example: Van de Voorde T. ‘Terrorism Studies’: A Critical Appraisal // *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences* / edited by Rik Coolsaet, 2nd edition. – London and New York: Routledge – 2016; Kundnani, A. (2015). *Radicalization: The Journey of a Concept*. In: C. Baker-Beall, C. Heath-Kelly and L. Jarvis, ed., *Counter-Radicalization. Critical Perspectives*, 1st ed. London: Routledge, pp. 14-35.

2 Вот пример достаточно типичной дльа того периода классификации причин терроризма [Here is an Example of a Fairly Typical Categorization of the Causes of Terrorism for that Period] (Bjorgo T. Introduction // *Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward*. – London and N.Y.: Routledge. – 2005. – P. 3):

- Структурные причины: демографические дисбалансы, глобализация, быстрая модернизация, переходные обшхества, растущий индивидуализм с отрывом от корневых традиций, относительная депривация, классовая структура. [Structural Causes: Demographic Imbalances, Globalization, Rapid Modernization, Transitional Societies, Growing Individualism With Disconnection From Roots and Atomization, Relative Deprivation, Class Structure].

- Поддерживающие (ускоряющие) причины, которые делают терроризм возможным или привлекательным, не являясь основным мотивом: появление новых современных СМИ, транспорт, технологии вооружений, слабый государственный контроль над территорией и т.п. [Supporting (Precipitating) Reasons That Make Terrorism Possible or Attractive Without Being the Primary Motive: Evolution of New Modern Media, Transportation, Weapons Technology, Weak State Control Over Territory, Etc.]

- Мотивирующие причины – те реальные несправедливости, которые мотивируют людей действовать. Люди могут ошхущать, что несправедливости или воспринимают их как интерпретацию, которую предлагают им идеологи и политические лидеры. [Motivating Causes are the Real Injustices that Motivate People to act. People May Perceive These Injustices or Accept the Interpretation Offered to Them By Ideologues and Political Leaders.]

- Причины-триггеры – непосредственные катализаторы террористического акта, какие-либо важные или провокационные события, зовущие к действию или к мести. [Triggers - the immediate catalysts of a terrorist act, some important or provocative event that calls for action or revenge].

3. Noricks, D. (2009). The Root Causes of Terrorism. In: P. K. Davis and K. Cragin, ed., *Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together*, 1st ed. Santa Monica, CA: RAND Corporation, pp. 151-208; Starodubrovskaja, I.V. (2015). *Исследование терроризма – международное измерение*. В [Terrorism Studies - International Dimension]: *Истоки конфликтов на Северном Кавказе*. М. [Origins of Conflicts in the North Caucasus]: Издательский дом «Дело», 2013, ss. 130 – 143.

4. Weinberg L., Pedahzur A., Hirsh-Hoefler S. (2012) The challenge of conceptualizing terrorism // *Terrorism Studies. A Reader* / edited by J. Horgan and K. Braddock. – London and N.Y.: Routledge. Наиболее распространенные определения терроризма связывают его с

ispol'zovaniem nasilija protiv mirnogo naselenija (nekombatantov) s cel'ju psihologicheskogo ustrashenija teh, kto ne javljaetsja neposredstvennymi zhertvami nasilija. Jeto sposob komunikacii, s pomoshh'ju kotorogo terroristy pytajutsja dobivat'sja svoih politicheskikh celej. [The Most Common Definitions of Terrorism Link it to the use of Violence against Civilians (Non-Combatants) to Psychologically Intimidate Those who are Not Direct Victims of Violence. It is a Mode of Communication through Which Terrorists Attempt to Achieve their Political Goals.]

5. Lia B. with Skjolberg K. Causes of Terrorism: An Expanded and Updated Review of the Literature. Report prepared for Forsvarets Forskningsinstitutt – 2004, c. 8.

6. Crenshaw M. (1981) The Causes of Terrorism // Comparative politics – 1981. – Vol. 13, No. 4. – P. 390.

7. Bjorgo T. Conclusions // Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. - London and N.Y.: Routledge. – 2005. – P. 257.

8. Crenshaw M. The logic of terrorism: Terrorist behavior as a product of strategic choice // Origins of terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind, edited by Reich W. – Cambridge, Cambridge University Press. – 1998. – P. 11.

9. Silke A. Fire of Iolous: the role of state countermeasures in causing terrorism and what needs to be done // Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. – London and N.Y.: Routledge. – 2005. – P. 242.

10. Bjorgo T. Conclusions...

11. Koehler D. Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism. – London and N.Y.: Routledge. – 2017, c. 67.

12. Kundnani, A. (2015). Radicalization: The Journey of a Concept...

13. Jetovyrazheniegorazdoluchshezvuchit po-anglijski [This Expression Sounds Much Better in English]: “what goes on before the bombs go off”.

14. Silber M.D., Bhatt A. Radicalization in the West: The Homegrown threat. – New York: New York City Police Department. – 2007.

15. See same place, s. 16.

16. Podobnaja «stadijnost'» - rasprostrannaja harakteristika rannih teorij radikalizacii v celom. V nih neredko vstrechajutsja «piramidy», «lestnicy» i drugie analogichnye konstrukty, harakterizujushhie posledovatel'nost' shagov v napravlenii radikalizacii. [Such “Stages” are a Common Characteristic of Early Theories of Radicalization in General. They often Include “Pyramids,” “Ladders,” and Other Similar Constructs that Characterize the Sequence of Steps Towards Radicalization.]

17 Kognitivnoe otkrytie – vazhnoe ponjatie v ramkah teorii radikalizacii. Pod nim ponimaetsja psihologicheskij krizis, rasshatyvajushhij prezhnie predstavlenija i delajushhij cheloveka sposobnym vosprinimat' novye vzgljady i orientiry. [Cognitive Opening is an Important Concept Within Radicalization Theory. It Refers to a Psychological Crisis that Upsets Previous Perceptions and Makes a Person Capable of Accepting new Views and Orientations.]

18. See same place, s. 10.

19. See same place, s. 85.

20. Kundnani, A. (2015). Radicalization: The Journey of a Concept...

21. Cameron, J. (2011) “PM’s speech at Munich Security Conference”, UK Government, 05.02.2011 URL: [<https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference>].

22. Kundnani, A. (2009) Spooked! How Not to Prevent Violent Extremism. – London: Institute of Race Relations, p. 6.

23. Sageman M. The Turn to Political Violence in the West // Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences / edited by Rik Coolsaet, 2nd edition. – London and New York: Routledge. – 2016. – P. 117.

24. McCauley, C. and Moskalkenko, S. (2017). Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model. *American Psychologist*, 72 (3), pp. 205–216.
25. Atran S. Razgovarivaja s vragom. Religioznyj ekstremizm, svjashhennye cennosti i chto znacit byt' chelovekom. [Atran S. Talking to the Enemy. Religious Extremism, Sacred Values and What it Means to be Human] – M.: Kar'era Press. – 2016, s. 68.
26. See same place, s. 260.
27. Kepel G. with Jardin A. (2017) Terror in France. The Rise of Jihad in the West. – Princeton and Oxford: Princeton University Press.
28. Roy, O. (2017). Who are the new jihadis? *The Guardian*, [online] 13.04. Available at: <https://www.theguardian.com/news/2017/apr/13/who-are-the-new-jihadis> [Accessed January 15, 2021].
29. Rua O. Globalizirovannyj islam: v poiskah novoj ummy [Rua O. Globalized Islam: In Search of a New Ummah] – M.: Fond Mardzhani. – 2018, s. 52.
30. McCauley, C. and Moskalkenko, S. (2008). Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. *Terrorism and Political Violence*, 20 (3), pp. 415-433.
31. Sageman M. The Turn to Political Violence in the West...
32. Beelmann, A. (2020). A social-developmental model of radicalization: A systematic integration of existing theories and empirical research. *International Journal of Conflict and Violence*, 14(1), 1-14. doi: 10.4119/ijcv-3778.
33. Goerzig C., Al-Hashimi K. (2015). Radicalization in Western Europe: Integration, Public Discourse and Loss of Identity Among Muslim Communities. – London and N.Y.: Routledge.
34. Schmid, A. P. (2013). *Radicalization, De-Radicalization, Counter-Radicalization: A Conceptual Discussion and Literature Review*. Research Paper. The Hague: ICCT, c. 20
35. Khalil, J., Horgan, J. and Zeuthen M. (2019). The Attitudes–Behaviors Corrective (ABC) Model of Violent Extremism. *Terrorism and Political Violence* [online]. Available at: <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1699793>[Accessed January 15, 2021].
36. Sageman M. The Turn to Political Violence in the West..., c. 128.
37. См.: Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. The Three Pillars of Radicalization: Needs, Narratives and Networks. Oxford University Press 2019. DOI:10.1093/oso/9780190851125.001.0001.
38. Kruglanski, A. W., Gelfand, M. J., Bélanger, J. J., Sheveland, A., Heti- arachchi, M., & Gunaratna, R. (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Political Psychology*, 35, 69–93. <http://dx.doi.org/10.1111/pops.12163>, c. 79

Стародубовская И.В., Исабаев Э.Т.

Исламдық радикалдану үдерістері туралы ғылым не біледі және не білмейді

Аңдатпа. Мақала радикалдану үдерістерінің себептері мен өтуін түсіндіретін теорияларды талдауға арналған. Бұл теориялар 1960-2020 жылдар аралығында, ең алдымен, ағылшын тіліндегі дереккөздерде көрініс тапқан академиялық басылымдарда қарастырылған, сондай-ақ олар радикалдануға қарсы практикалық саясат шараларымен өзара байланысын зерттейді. Бұл мәселенің өзектілігі исламдық және басқа да радикалдану бағыттарының, соның ішінде Орталық Азиядағы террорлық топтардың белсенділігінің сақталуымен байланысты. Авторлар қолданыстағы теориялық тәсілдерді жіктеп, терроризмнің терең тамырлары теориясын радикалданудың қазіргі түсініктерінің бастауы ретінде атап өтеді. Олар радикалданудың жеңілдетілген теорияларын (идеологрияны жалғыз себеп ретінде қарастыру, үдерістің бір бағыттылығы, олардың көрсеткіштерін

сипаттайтын нақты кезеңдер) және радикалданудың күрделі теорияларын (себептердің көптүрлілігі мен радикалдану жолдарының әртүрлілігі, идеология мен зорлық-зомбылық арасындағы байланыстың анық еместігі, топтық динамика мен қоғамның құрылымдық сипаттамаларының рөлі) бөліп көрсетеді. Мақалада негізгі назар осы саладағы теория мен практика арасындағы негізгі қайшылыққа аударылады. Бір жағынан, теориялық зерттеулер радикалдану үдерістерін жан-жақты қамтуға, қарапайым тәсілдерден бас тартуға, күрделі модельдер құруға ұмтылады. Екінші жағынан, тәжірибе қарапайым әрі түсінікті алгоритмдерді, анық және бірмәнді себеп-салдарлық байланыстарды талап етеді, оларды көрсеткіштер мен нақты шараларда көрсетуге болады. Авторлардың пікірінше, бұл қайшылық практикалық саясатта радикалдануды түсіндірудің қарапайым схемаларының әлі де танымал болуына әкеледі, ал олар академиялық талқылауларда бірнеше рет жоққа шығарылған. Бұл радикалданумен күресу шараларының тиімділігін төмендетеді. Радикалдану теориялары мен практикасының дағдарыстық жағдайы радикалдану ортасында болып жатқан оқиғалар туралы толық және сенімді ақпаратқа қол жеткізудің қиындығымен және осы мәселедегі жоғары идеологизациямен күшейеді. Мұның барлығы тиімді радикалдануға қарсы күресудің мәселесі әлі де шешілмегенін көрсетеді.

Кілт сөздер: радикалдану, терроризм, исламдық радикализм, радикалдану жолы, лаңкестікке қарсы саясат, идеология.

Starodubrovskaya I., Issabayev E.

What Science Knows and Does not Know About Islamic Radicalization Processes

Abstract. The article is devoted to the analysis of theories explaining the causes and course of radicalization processes reflected in academic publications, primarily in English-language sources, in the period from the 1960s to the 2020s, as well as their relationship with practical counter-radicalization policies. The relevance of this issue is connected with the continuing threats of Islamic and other trends of radicalization, including in Central Asia, and the activation of terrorist groups. The authors provide a classification of existing theoretical approaches, highlighting the theory of the deep roots of terrorism as a forerunner of modern interpretations of radicalization, simplified theories of radicalization (ideology as the only cause, unidirectionality of the process, clear stages and indicators describing them) and more complex theories of radicalization (diversity of causes and radicalization trajectories, non-obvious connection between ideology and violence, the role of group dynamics and structural characteristics of society). The article focuses on the central contradiction between theory and practice in this area. On the one hand, theoretical developments are tending towards an increasingly multidimensional coverage of radicalization processes, the rejection of simplistic approaches, and the construction of complex models. On the other hand, practice requires simple and understandable algorithms, clear and unambiguous cause-and-effect relationships that can be reflected in indicators and specific measures. According to the authors, this contradiction leads to the fact that simplistic schemes to explain radicalization, which have been repeatedly refuted in academic discussions, are still popular in practical politics. And this reduces the effectiveness of measures to combat this phenomenon. The crisis state of radicalization theories and practices is exacerbated by the problems associated with the difficulty of access to complete and reliable information about what is happening in the radical environment and the high ideologization of these issues. All this leads to the fact that the task of effectively countering radicalization is still far from being solved.

Keywords: radicalization, terrorism, Islamic radicalism, radicalization trajectory, anti-terrorist policy, ideology.